

Н. П. Таньшина

ORCID: 0000-0001-7373-592X

✉ tanshina-np@ranepa.ru

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

ФРАНСУА ГИЗО VS НАПОЛЕОН БОНАПАРТ: ДВА «ГЕРОЯ» НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. Статья посвящена компаративному анализу деятельности двух французских политиков XIX в., Франсуа Гизо и Наполеона Бонапарта. На первый взгляд, Гизо — ученый-интеллектуал, либерал, убежденный пацифист, известный историк и один из непопулярных французских политиков — является полной противоположностью Наполеона Бонапарта, одного из самых противоречивых, но при этом одного из самых популярных героев французской истории: антилиберального и авторитарного правителя, полководца, пытавшего покорить огнем и мечом Европу. Однако внимательный сравнительный анализ показывает, что их многое сближало. Их судьбы неразрывно связаны с Революцией, оба они придавали огромное значение политике в области образования, оба понимали важность религиозного фактора, оба стояли у истоков единой Европы, хоть и предлагали действовать абсолютно разными способами. У обоих — очень непростая историографическая судьба. Эти важные вопросы находятся в центре внимания данной статьи.

Ключевые слова: Франсуа Гизо, Наполеон Бонапарт, компаративистика, Французская революция, Первая империя, Реставрация и Июльская монархия во Франции

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Таньшина Н. П. Франсуа Гизо vs Наполеон Бонапарт: два «героя» национальной истории // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 171–186. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-171-186>.

*Статья поступила в редакцию 4 декабря 2022 г.
Принято к печати 30 января 2023 г.*

N. P. Tanshina

ORCID: 0000-0001-7373-592X

✉ tanshina-np@ranepa.ru

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

FRANÇOIS GUIZOT VS NAPOLEON BONAPARTE: TWO “HEROES” OF NATIONAL HISTORY

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of two French politicians of the 19th century, François Guizot and Napoleon Bonaparte. At first glance, Guizot — a scholar-intellectual, a liberal, a convinced pacifist, a well-known historian and one of the most unpopular French politicians — is the complete opposite of Napoleon Bonaparte, one of the most controversial, but at the same time one of the most popular heroes of French history: an anti-liberal and authoritarian ruler, a general who tried to conquer Europe with fire and sword. However, a careful comparative analysis shows that they had a lot in common. Their destinies were inextricably linked with the Revolution, both of them attached great importance to educational policy, both understood the importance of the religious factor, and both stood at the origins of a united Europe, although they proposed to act in completely different ways. Both have had a very difficult historiographical fate. Guizot and Napoleon are also brought together by very contradictory assessments in historical science. The careers of both Napoleon and Guizot ended in a defeat. However, Guizot, a brilliant historian and pacifist, a theorist of the parliamentary regime, who tried to combine the idea of freedom with the idea of order, remained in history as an unpopular and unsuccessful minister. As for Napoleon, he triumphed even after his defeat. He may have won his most important battle, that is, the battle for historical memory. For all his ambiguity, Napoleon remains one of the main national heroes of France. These important questions are the focus of this article.

Keywords: François Guizot, Napoleon Bonaparte, comparative studies, the French Revolution, the First Empire, the Restoration and the July Monarchy in France

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

To cite this article: Tanshina, N. P. (2023). François Guizot vs Napoleon Bonaparte: Two “heroes” of national history. *Shagi / Steps*, 9(2), 171–186. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-171-186>.

*Received December 4, 2022
Accepted January 30, 2023*

Франсуа Гизо и Наполеон Бонапарт — казалось бы, абсолютные антиподы. Наполеон Бонапарт при всей своей противоречивости и неоднозначности является одним из самых популярных деятелей не только французской, но и мировой истории; по результатам опросов общественного мнения он регулярно входит в тройку национальных лидеров Франции вместе с Шарлем де Голлем и Людовиком XIV, о чем пишет в своей сравнительной биографии де Голля и Наполеона известный французский исследователь Патрис Генифе [Gueniffey 2017: 17].

Франсуа Гизо, пожалуй, является одним из самых непопулярных министров во французской истории, хотя ничего плохого для Франции он не сделал, даже наоборот. Если Наполеон вошел в историю как «спаситель нации», являя собой, говоря словами старейшины французского наполеоноведения Жана Тюлара, «архетип спасителя» [Тюлар 2012: 350], то Франсуа Гизо, прославленный историк, интеллектуал, один из главных политиков Июльской монархии (1830–1848), остался в истории как герой карикатур Оноре Домье и автор меркантильного лозунга «Обогащайтесь!», хотя в таком виде он никогда этих слов не произносил¹.

Франция при Гизо, говоря словами его современника, поэта и политика Альфонса Ламартина, откровенно «скучала», и восприятие Гизо как «скучного» политика и человека остается по сей день. Когда, например, автор этих строк в беседах с французскими коллегами сообщает, что занимается изучением деятельности Франсуа Гизо, то они в один голос говорят: «Гизо? Это же скучно, это пуританин, это аскет!» Гизо, родившийся на юге Франции, в античном Ниме, с молодых лет связавший свою жизнь с Парижем, для французов — как бы не совсем француз, а вот корсиканец Наполеон заставил французов поверить в то, что «невозможное — это не по-французски».

При Наполеоне Бонапарте французам было точно не до скуки. Наполеон — это человек действия; его лозунг — «Главное ввязаться в бой, а там посмотрим!» Гизо, несмотря на репутацию влиятельного политика и министра, занимая министерские посты в годы Июльской монархии на протяжении в общей сложности 14 лет (в 1830 г. короткое время он был министром внутренних дел, в 1832–1837 гг. с перерывами — министром народного просвещения, с 1840 по 1848 г. — министром иностранных дел, а в 1847 г. стал главой правительства), был прежде всего из тех, кого французы именуют *hommes d'esprit*, а после дела Дрейфуса и выступления Эмиля Золя стали называть «интеллектуалами» [Шарль 2005: 31–53; 291–321]. Гизо олицетворяет теорию и практику

¹ До настоящего времени остается спорным вопрос о том, когда Гизо мог произнести этот лозунг. Сам он не повествует об этом ни в своих «Мемуарах», ни в своей переписке, ни в многочисленных статьях. Во время обсуждения в Палате депутатов 1 марта 1843 г. вопроса о секретных фондах Гизо произнес речь об «истинных инновациях», к которой мог бы восходить сокращенный вариант лозунга «Обогащайтесь!». Но эти слова нельзя вырывать из общего контекста его речи: «Было время, славное время, когда нация боролась за обретение социальных и политических прав (...) Это дело совершено, права завоеваны, теперь переходим к другим. Вы хотите продвинуться вперед, вы хотите совершить то, что не успели сделать ваши отцы. Вы правы (...) В настоящее время, исходя из этих прав, создавайте свое правительство, укрепляйте свои институты, просвещайтесь, обогащайтесь, улучшайте моральные и материальные условия нашей Франции: вот истинные инновации» [Broglie 1990: 126].

французского умеренного либерализма-орлеанизма [Таньшина 2016; Матвеев 2019]; блестящий историк и оратор, он основательно обдумывал то, что собирался произносить, будь то с профессорской кафедры в Сорбонне или с парламентской трибуны. Как отмечал (в своем интервью) французский биограф Гизо Лоран Теис [Theis 2020], у Гизо был собственный метод подготовки к выступлениям: обдумывая текст, он ходил кругами в своем маленьком парижском садике.

Наполеон в массовом сознании — это прежде всего генерал Бонапарт, гений войны, хотя «гений» — больше в его собственном воображении и созданном им имидже, а также в исторической памяти. Гизо, на протяжении первых 25 лет своей жизни видевший вокруг себя лишь революцию и войну, был человеком мира, убежденным пацифистом и сторонником мирного сосуществования народов и государств [Таньшина 2015: 157–172]. Наполеон в итоге привел Францию к поражению, которое стоило ей миллионных жертв: потери среди мужского населения в 1789–1815 гг. историки оценивают в диапазоне от 860 тыс. до 1,5 млн человек [Бовыкин, Чудинов 2020: 453]. Однако, как заявил Шарль де Голль в беседе с Андре Мальро, вовсе не оправдывая Наполеона-военного, «...он оставил Францию меньшей, чем он ее нашел, это так (...) Но это как с Версалем: его надо было создавать. Нельзя торговать величием» [Malraux 1971: 102]. Пацифист Гизо стал известен как политик, стремившийся к миру якобы любой ценой, в чем его упрекали оппозиция и широкие круги общественности, жившие в плену «наполеоновской легенды», идеи былого величия и грандиозных побед Франции [Таньшина 2016: 171].

При этом если Наполеон, вошедший в историю как «отец солдат», которые его просто боготворили (о чем свидетельствуют многочисленные художественные произведения писателей и поэтов-романтиков), воспринимал этих самых солдат как пушечное мясо, то Гизо, желавший мирного разрешения возникавших конфликтов и щадивший жизни французов, стал известен как политик, который к собственному народу, французам, испытывал чуть ли не презрение. Если Наполеон был первым пиар-менеджером в истории (так об этом пишет известный французский историк и журналист Ксавье Модюи [Mauduit 2015: 11]), умело формировавшим собственный имидж, при этом он не просто умел нравиться, но сам создавал свой культ и легенду, ставшие основой его почитания [Kern 2016; Nazareesingh 2008], то Гизо, по его собственным словам, всегда выступал против заигрывания с народом, против популизма и демагогии, говоря о том, что любить народ вовсе не значит потакать и лгать ему [Guizot 1860: 54–55]. Наполеон к демагогии и лжи относился гораздо снисходительнее, однако остался в истории как великий; Гизо стремился говорить правду — и запомнился чуть ли не как предатель национальных интересов Франции.

Если Наполеон своей главной военной целью ставил разгром Великобритании, главного французского соперника, сознательно шел к этой цели, в итоге попал в плен к англичанам и остался в их памяти как враг предпочтительный уже потому, что они смогли его победить, то основой внешнеполитической концепции Гизо был курс на установление дружеских, партнерских отношений с Великобританией, на так называемое сердечное согласие — термин, введенный в оборот английским министром лордом Дж. Г.-Г. Абердином именно

в 1830–1840-е годы. Для Гизо курс на «сердечное согласие» не был самоцелью: с помощью Великобритании, опираясь на союз с ней, он стремился укрепить позиции Франции в Европе. Более того, в противовес усилению влияния Англии он пытался создать под эгидой Франции «бурбонскую лигу», которая бы объединяла средиземноморские государства [Mastellone 1957: 373–377] (собственно, в этом можно усматривать прообраз будущей блоковой политики Франции). Но оппозиция видела в этом курсе не иначе как предательство национальных интересов Франции, принесение их в жертву Англии, Гизо даже именовали «лордом Гизо» или «лордом Валь-Рише», по названию его нормандского поместья [Танышина 2016: 170]. Следует добавить, что для Гизо английские политические порядки были всегда образцовыми, и он пытался создать их некий аналог на французской почве, но с национальным своеобразием. Однако французское общество, настроенное традиционно антианглийски, не могло одобрить такого сближения.

Французы в годы Июльской монархии жили в плену «наполеоновской легенды» величия Франции и всю вину за ее нынешнее положение, без наполеоновского блеска и величия, возлагали на Венскую систему международных отношений, якобы закрепившую униженный статус Франции (хотя после Ахенского конгресса Священного союза 1818 г. Франция стала полноправной участницей «европейского концерта» держав). Гизо же в противовес широким слоям общественности, зараженным реваншистскими настроениями, настаивал на необходимости следования принципам Венской системы, на действии в рамках «европейского концерта», полагая, что, следуя умеренному и компромиссному курсу, благодаря своему цивилизационному потенциалу Франция со временем восстановит свое лидирующее положение в Европе, по крайней мере интеллектуальное и нравственное. Говоря словами Лорана Теиса, Гизо был далек от «патриотической славы и духа завоеваний, столь дорогих сердцу французов» [Theis 2020]. Поэтому все выглядело так, что идеи и темперамент Гизо расходились с настроениями общественного мнения.

Гизо — убежденный либерал, но умеренного толка; сначала доктринер в эпоху Реставрации, потом орлеанист в годы Июльской монархии. Наполеон — антилиберал, и французские либералы начиная с Бенжамена Констана и Жермены де Сталь его ненавидели за то, что он, сын Революции, подавил свободу и на первый план поставил идею порядка. Известный французский политолог Жерар Грюнберг в работе «Наполеон Бонапарт. Черный гений» подчеркивает, что годы правления Наполеона явились эпохой небывалого национального величия Франции, достигнутого необоснованно высокой ценой. По его словам, абсолютный антилиберализм Наполеона стал тормозом на пути модернизации Франции, и эту цену страна продолжает платить по сей день. Несмотря на неоспоримые позитивные аспекты наполеоновского наследия, в целом его влияние на развитие Франции было негативным — такой вывод делает исследователь [Grunberg 2015: 226].

Однако либералу Гизо в историографии досталось не меньше, чем антилибералу Наполеону. Кризис 1848 г. привел французское общество к убеждению в порочности и нежизнеспособности либеральной философии как таковой. Тем более что Гизо был сторонником умеренного либерализма, своеобразного либерально-консервативного синтеза и весьма осторожно относился к проек-

там дальнейшего реформирования общества. Поэтому его не любят как негибкого политика, чуждого духу реформ, не сумевшего отразить потребности общества в демократизации. Он застыл в рамках цензового избирательного права и не почувствовал духа времени. Хотя, по мнению Патриса Генифе, французы не симпатизируют либеральным идеям как таковым и поэтому не любят американцев как нацию, отождествляющую торжество либеральных принципов, прежде всего экономических. Жак де Сен-Виктуар, историк идей и литературный критик, доцент университета Сорбонна-Париж-8, в своей книге «Истоки свободы. Забытая французская дискуссия (1689–1789)» рассуждает о том, откуда возникает так называемая французская модель, и исследует истоки французского антилиберализма, именуя его «французским исключением»² [Saint-Victoir 2007: 7].

Тем не менее именно при либеральном режиме Июльской монархии «наполеоновская легенда» превратилась по сути в официальную идеологию, и король Луи-Филипп Орлеанский, отнюдь не симпатизировавший Наполеону, для легитимации собственной власти, рожденной на июльских баррикадах, легитимировал и антилиберала Наполеона Бонапарта. Водружение статуи Наполеона на Вандомской колонне, торжественное открытие Триумфальной арки, превращение Версаля в национальный музей Франции, открытие там Галереи Сражений и, как апофеоз культа, возвращение праха Наполеона с острова Святой Елены в Париж 15 декабря 1840 г. — все эти события припадают на правление Луи-Филиппа. Сама церемония перезахоронения праха, хотя и задуманная восторженным поклонником Наполеона Адольфом Тьером, была осуществлена Ф. Гизо, который вел переговоры об этом, будучи в то время послом Франции в Великобритании, а с октября 1840 г. министром иностранных дел³.

По-разному Наполеон и Гизо относились к Церкви и религии. Наполеон, абсолютный рационалист и прагматик, из тактических соображений заключил в 1801 г. конкордат с папой Пием VII, понимая важное значение этого шага. Конкордат, заключенный Наполеоном, Гизо считал ярким доказательством «нравственного гения и практического здравого смысла Наполеона»: он правильно понимал «служебную» роль Церкви в государстве [Guizot 1863: 66]. Эта идея о гармоничном взаимодействии Церкви и государства была очень характерна для Гизо⁴.

² Сам термин «французское исключение» (*l'exception française*) имеет давнюю традицию и используется в отношении не только французского антилиберализма, но и Революции. Используется для характеристики культурных, исторических, политических особенностей Франции по сравнению с другими странами. См., например: [Vovelle 1994; Jourdan 2004a].

³ О церемонии «возвращения праха» см., например, работу французского историка Ж. Пуасона: [Poisson 2004].

⁴ Конечно, дело было не в «нравственном гении» Наполеона, как утверждал Гизо, а в его прагматизме. Заключив конкордат, Наполеон усилил свою популярность и получил контроль над духовенством на легальных основаниях. Принятие Наполеоном «Органических статей католического культа», усиливших власть главы государства над Церковью, стало причиной осложнений с папской властью, следствием чего явилась булла Папы Пия VII «*Quam memorandum*» от 10 июня 1809 г., в которой понтифик выразил свой протест против принятия Органических статей.

Протестант Гизо был глубоко убежден в моральной значимости религии в обществе. Его предки восходили к протестантам Севенн и гугенотским проповедникам, сохранявшим приверженность протестантской вере после отмены Нантского эдикта в 1685 г. Как известно, гугеноты были восстановлены в правах только в 1787 г., и родители Гизо даже не могли узаконить свой брак. На протяжении всей своей жизни Гизо был привязан к Протестантской церкви, и, хотя он не был догматиком, в целом, он был самым прославленным из французских гугенотов, первым протестантом, возглавившим правительство. В его круге общения было много людей, исповедовавших протестантизм. Синодальное, т. е. выборное устройство Протестантской церкви соответствовало его политическим убеждениям, а именно принципам представительного правления. В то же время Гизо никогда не стремился навязывать обществу протестантские ценности, понимая, что в католической Франции он принадлежал к незначительному меньшинству, и это вынуждало его к осторожности. В частности, будучи министром народного просвещения, он отделил это министерство от министерства культов, чтобы его не обвинили в содействии протестантам. Более того, как историк он понимал, что именно на католической основе сформирована французская идентичность. Во второй половине XIX в., во время острой конфронтации между католиками и протестантами, он проявлял большое уважение к католическому духовенству, включая папство, и выступал в поддержку светской власти папы, спровоцировав тем самым гнев со стороны своих единомышленников. Занимаясь религиозными делами в последние годы своей жизни, он пытался поддержать либеральных католиков, например, своего близкого друга графа Ш. Монталамбера или Ж.-Б. А. Лакордера, который в 1861 г. был принят во Французскую академию [Theis 2020]. Он пытался примирить католицизм со свободой и выступал за сближение между христианскими конфессиями, даже за их слияние, видя в этом оплот против атеизма, материализма и социализма, разрушавших, по его убеждению, общество. Гизо, в отличие от Наполеона, видевший в религии, в христианстве духовную основу общества, оказался не понят соотечественниками-католиками. Его идеи о сближении католиков и протестантов воспринимались с негодованием, а самого Гизо называли «женевским папой».

* * *

Таким образом, Франсуа Гизо и Наполеон Бонапарт — совершенно разные политики как по своим воззрениям, так и по характеру. Однако несмотря на такое, казалось бы, несходство и даже полную противоположность, у Гизо и Наполеона есть и точки соприкосновения.

Прежде всего их сближает сложная посмертная судьба. Если в массовом сознании Наполеон — один из самых блестящих деятелей Франции, то для французских властей он зачастую — персона неполиткорректная, несовместимая с ценностями республики, терпимости, демократии, миролюбия, поэтому власти к нему относятся очень предвзято. Да и университетские историки начали серьезно изучать Наполеона лишь относительно недавно, начиная с

прихода в Сорбонну в 1962 г. Жана Тюлара⁵. Гизо призывал к миру, стабильности и спокойной жизни, однако остался в исторической памяти как знаменитый историк, но очень непопулярный министр, догматик и протестант, не понявший нужд общества и отклонявший все проекты избирательной реформы. Только с середины 1980-х годов, начиная с работы Пьера Розанваллона «Момент Гизо» [Rosanvallon 1985], исследователи начали пересматривать отношение к его политическому и интеллектуальному наследию.

И Наполеона Бонапарта, и Гизо ожидал одинаковый финал — поражение. Ватерлоо перечеркнуло, как отмечал сам Наполеон, все его победы; февральская революция 1848 г. означала крах карьеры Гизо. Наполеон оказался на острове Святой Елены, где и умер в 1821 г., Гизо перебрался в свое нормандское поместье Валь-Рише, где прожил до своей смерти в 1874 г. Но если первый был велик и в своем поражении, а его жизнь на заброшенном острове, вдали от мира, его смирение только содействовали его славе, то второй в 1848 г. бежал из родной Франции в Великобританию под чужим именем, откуда вернулся только после прихода к власти Луи-Наполеона, и французы этого бегства ему не простили.

Кроме того, посмертная дискредитация Гизо является и следствием особенностей его биографии: он принадлежал к протестантскому меньшинству в католической стране⁶, образование получил в Женеве, куда мать увезла его с братом после казни отца; он всегда восхищался Англией. Кроме того, ему не могли простить и некоторых фактов его биографии: речь идет о «бегстве» в Гент к королю Людовику XVII в ходе «Ста дней», за что его постоянно упрекала оппозиция. В 1837 г., дважды вдовец, он начал продолжавшийся на протяжении 20 лет роман с русской подданной, княгиней Дарьей Христофоровной Ливен, сестрой А. Х. Бенкендорфа, к тому времени бывшей замужем за князем Х. А. Ливеном (он ушел из жизни в 1839 г.). Помимо чисто морального аспекта (хотя такие светские пары в то время не являлись редкостью), был и фактор политический: княгиню Ливен, как, впрочем, и всех русских дам, проживавших в Париже, считали шпионкой на службе императора Николая Павловича, при этом полагали, что она вмешивалась в управление французскими делами, и поговаривали, что во Франции существовало не министерство Сульта — Гизо, а министерство Ливен — Гизо⁷. Однако Гизо никак не защищался от этих нападок, напротив, спокойно их принимал, чем вызывал еще большее раздражение.

Гизо — интеллектуал, Наполеон — человек действия. Но они оба прекрасно понимали важность образования. Гизо — журналист, специализировавшийся на педагогических вопросах, историк, министр народного просвещения — делал ставку именно на образование и вошел в историю как первый знаменитый министр народного просвещения. Его закон от 8 июня 1833 г. и

⁵ Значительная часть трудов об императоре французов была опубликована в период между концом XIX и серединой XX в., а 21-томная «История Консульства и Империи» Адольфа Тьера, выходящая в 1845–1869 гг., является востребованной и современными исследователями. Однако во французской университетской среде отношение к изучению наследия Наполеона Бонапарта долгое время было неоднозначным и в принципе остается таковым по сей день.

⁶ О протестантах в истории Франции см.: [Cabanel 2012].

⁷ О взаимоотношениях Ф. Гизо и княгини Д. Х. Ливен см.: [Таньшина 2021].

по сей день является основой французской системы образования. Закон обязывал каждую коммуну открыть государственную начальную школу, а каждый департамент — педагогическую школу для учителей, которые с тех пор имеют во Франции статус государственных служащих. Кроме того, поскольку католическое образование, весьма востребованное у французов, сохранялось, формировавшаяся конкуренция была только на пользу общества, и менее чем за 20 лет количество школьников увеличилось более чем вдвое, хотя закон не вводил ни всеобщего, ни бесплатного начального образования. Эта сфера деятельности Гизо, как и его стремление в целом расширять знания, в том числе знание национальной истории, не оспаривается. Как отмечает Лоран Теис, будучи педагогом в молодости, Гизо хотел стать наставником для всей нации, а его статус профессора Сорбонны, а потом и академика, давал ему, как он считал, такое право [Theis 2020].

Наполеон также прекрасно осознавал роль образования для общества, и речь идет не только о Египетском походе, лозунге «мулов и ученых в центр!» и становлении египтологии. Его декретами от 10 мая 1806 г., 17 марта и 17 ноября 1808 г. был учрежден единый для всей Франции Университет, т. е. формировалась централизованная модель образования, действовавшая на всем протяжении XIX в., по крайней мере до университетских реформ 1896 г. При этом Университет Франции объединил ранее независимые университеты Франции, а также учреждения начального и среднего образования и включал в себя образование как государственное, так и частное [Козлов 2013].

Гизо признавал заслуги Наполеона в этой сфере, подчеркивая, что, создавая Университет как единую систему образования, император руководствовался «глубоким пониманием нашего общественного состояния, его историей, природой, его потребностями; он понимал, что после (...) революционных потрясений (...) для того чтобы утвердить победу средних классов и обеспечить их роль в обществе, необходимо культивировать и развивать в этом классе любовь к наукам, знаниям, стремление к интеллектуальному превосходству, в целом привычку к умственной работе, чтобы сделать их действительно достойными своего положения» [Guizot 1860: 101]. В 1832 г. Гизо восстановил Академию моральных и политических наук, упраздненную Наполеоном.

Сближало Наполеона и Гизо и то обстоятельство, что их путь в политику не был простым. Наполеон пришел во власть, когда он был уже на вершине своей военной славы, завоевав лавры военного победителя. Гизо прошел путь журналиста и публициста, прославленного профессора Сорбонны, государственного служащего, а потом оппозиционного либерала-доктринера, прежде чем стать ведущим политиком Июльской монархии.

Оба они — настоящие бойцы. Наполеон это подтверждал на протяжении всей своей жизни. Даже в изгнании он вел бой за посмертную славу и одержал блестящую победу. Но и Гизо при всей его внешней умеренности и холодности — тоже боец: «Я люблю политику, потому что люблю борьбу», — признавался он, и в этом ему помогал его дар красноречия. После принятия решений он имел смелость обеспечить их исполнение и проявлял в такого рода обстоятельствах большую душевную твердость перед лицом нападок в парламенте (иногда и физических), а в особенности в прессе [Theis 2020].

И Наполеон, и Гизо являлись сторонниками особой роли Франции в Европе, ее центрального положения в европейской системе координат. Своими фундаментальными трудами, посвященными истории цивилизации во Франции и Европе, Гизо закрепил взгляд на исключительное положение Франции на континенте. По словам французского исследователя Пьера Триомфа, автора работы «Европа Франсуа Гизо», «Гизо был одним из первых в Европе и первым во Франции, попытавшимся осмыслить это единство, опираясь на исторические факторы» [Triomphe 2002: 84].

Не столь однозначны негативные оценки европейской политики Наполеона, высказываемые современными исследователями и публицистами. Если еще несколько лет назад вспоминать о Наполеоне, покорившем Европу силой оружия, во Франции было неудобно, то в наши дни такие заголовки в СМИ, как «Наполеон — отец Европы?», пусть и с вопросительным знаком, воспринимаются не столь скептически, как и размышления Наполеона о «федералистской европейской системе». Теперь историки говорят о том, что европейские планы Наполеона были созвучны идее Римского договора⁸. Известный французский историк Пьер Бранда отмечает: «Наполеон начинает воображать судьбу Европы по Римскому договору, с общими армией, экономикой и монетным союзом, с франком, который сейчас еще используется в Швейцарии» [Branda 2019].

Безусловно, методы, которые предлагали и использовали Гизо и Наполеоном, были совершенно разными. Если Наполеон действовал огнем и мечом, объединяя, точнее, подчиняя Европу силой оружия, то Гизо, убежденный пацифист, выступал за расширение морального влияния Франции, за экспорт не идеи революции, но цивилизационных ценностей и потенциала, которые, по его убеждению, давали Франции нравственное право на европейское лидерство. Оба они, как и впоследствии Ш. де Голль, в качестве основы своей концепции рассматривали идею величия Франции, но если у Наполеона эта идея имела материальное наполнение, то у Гизо скорее духовное.

Если Наполеон Бонапарт, реалист и прагматик, в международных отношениях руководствовался правом сильного, то Гизо, призывавший к компромиссному разрешению международных проблем, постоянно подчеркивал: во внешней политике нельзя думать только о себе и делать только то, что нравится вам; надо учитывать позицию других. Собственно, идеи баланса сил, коллективного и согласованного решения возникающих международных проблем и являлись основами Венской системы, однако оппозиция упрекала Гизо именно в пренебрежении национальными интересами Франции. В этом отношении идеи Гизо не были созвучны настроениям широких кругов французской общественности, а пьянящий запах наполеоновского пороха французы продолжали вдыхать, наверное, вплоть до поражения под Седаном в годы Франко-прусской, или, как ее сейчас порой именуют, Франко-германской войны. Что еще важно, Гизо как историк прекрасно понимал: для успешного ведения внешней политики необходимо постоянно учиться, изучать историю Франции и зарубежных стран, в том числе соседних — Великобритании, Италии, Германии, поэтому языки этих стран Гизо знал хорошо, что способствовало установлению контактов, особенно когда речь шла о переговорах и беседах,

⁸ О европейской политике Наполеона см., например: [Lentz 2005].

а в разговоре он проявлял себя превосходным собеседником. Для него идея компромиссного решения возникавших проблем являлась способом избежать ошибок и высокомерия в международных отношениях.

И Гизо, и Наполеон — дети Революции. Гизо родился в 1787 г., за два года до Революции. Наполеон Бонапарт — в 1769 г., т. е. был на 18 лет старше Гизо. Наполеон стал тем, кем он стал, благодаря Революции: примкнув к якобинцам, он стал революционным генералом, а потом и завершил Революцию. У Гизо Революция отняла отца, талантливого немецкого адвоката, сочувствовавшего жирондистам и погибшего на гильотине. Такая же участь постигла отца его близкого друга Виктора де Бройля, зятя Жермены де Сталь; такова же была судьба Филиппа-Эгалите, отца короля Луи-Филиппа. Гизо, как и многие другие его современники, был представителем поколения, жестоко травмированного сначала якобинской диктатурой и Террором, а после авторитарным режимом Наполеона, подавляющим свободу и разжигающим войны. Если Наполеон начинал свою карьеру, примкнув к радикалам, то Гизо всегда стремился к удалению от радикализма как правого, так и левого толка и всегда стремился следовать политике «золотой середины», обрекая себя тем самым на критику и правых, и левых сил.

Гизо вступил на общественное поприще в годы Империи. В 1807 г. он начал свою карьеру журналиста и публициста, став сотрудником журнала «Публицист». В 1812 г. он дебютировал в качестве преподавателя специально созданной под него кафедры Новой истории в Сорбонне. Молодой Гизо, которого принято было считать далеким от политики, отказался в своей первой лекции произнести приветственные слова в адрес Наполеона, заявив, что не желает смешивать науку и политику, однако представляется, что это был как раз продуманный политический жест.

С установлением в 1814 г. режима Реставрации Гизо всецело оказался на стороне монархии Бурбонов. Он стал одним из лидеров либеральной группы доктринеров, выступавших за примирение старой и новой Франции. Для постреволюционного общества, уставшего от Революции, было важно найти правильную точку зрения на революционные перемены и ответить на главный вопрос: что же произошло с французами за истекшие четверть века и как после стольких потрясений создать во Франции стабильное правительство, которое отвечало бы запросам общества и было способно гарантировать свободу внутри страны и мир на внешнеполитической арене? Собственно, таковыми и были главные вопросы для Гизо-профессора, когда он в 1820-е годы читал свои знаменитые лекции по истории цивилизации во Франции и Европе. Эти же вопросы были приоритетными для Гизо, либерала-доктринера в годы Реставрации, а потом и Гизо-депутата и Гизо — министра Июльской монархии. Об этих же проблемах он размышлял уже после крушения своей политической карьеры, прежде всего на страницах своих мемуаров и в целом ряде публицистических произведений.

Революция для Гизо — это отнюдь не прошлое, она неразрывно связана с настоящим и будущим Франции, не случайно он писал, что Революция — это «дочь прошлого и мать будущего» [Guizot 1863: 54]. Для него Наполеон Бонапарт был неразрывно связан с эпохой Революции, поэтому он датирует

ее завершение 1815 годом, т. е. падением Первой империи⁹. Более того, для Гизо правление Наполеона — это кульминация Революции, ее апогей. Именно Наполеон сумел покончить с революционным хаосом и анархией и направить Революцию в нужное русло. Именно он, по мнению Гизо, совершил то, к чему тщетно взывала Франция при якобинском терроре: произошла «реакция революции против самой себя», т. е. «консолидация важнейших завоеваний революции с отказом от некоторых ее самых законных чаяний и самых возвышенных надежд» [Ibid.: 56].

Как известно, без Наполеона не было бы писателей и поэтов романтического направления, не случайно Наполеон — их излюбленный герой, и сейчас уже невозможно отделить Наполеона — реального исторического деятеля от Наполеона — героя романтической литературы. Гизо — мыслитель и историк эпохи романтизма, однако в том, что касается вопроса о роли личности в истории, он не вполне разделял подход романтиков, а роль личности ему казалась второстепенной. В этом заключается еще одна причина, по которой Гизо не был понят соотечественниками: человек Провидения — это обязательный персонаж эпохи романтизма. Однако он все-таки делал исключения для двух великих людей. Первый — Джордж Вашингтон, о котором Гизо написал очерк, переведенный в конце XIX столетия на русский язык [Гизо 1863]. Вторым — Наполеон Бонапарт: как бог из машины, он появился в нужное время и в нужном месте, став спасителем Франции. По словам Гизо, в драматичный момент Революции на авансцену «явился Бонапарт, чтобы скоро стать Наполеоном <...> В кризисные моменты своей истории народы не могут обойтись без великого человека <...> Когда он пришел <...> Франция признала в нем того, кого она ждала. Он шел вперед, она следовала за ним» [Guizot 1863: 56–57]. Гизо, как и король Луи-Филипп, интегрировал Наполеона в пантеон национальных героев, спасителей Франции. Отметим, когда шли дискуссии о том, где именно обретет последний покой прах Наполеона, среди прочих мест предлагали и Пантеон [Jourdan 2004b: 78].

Наполеон для Гизо — прежде всего государственный, администратор и управленец, и именно в этой сфере Гизо видит его главные заслуги. Представляется, что либерал-Гизо сумел примирить Францию с антилибералом-Наполеоном. Особенно важно, что современные французские наполеоноведы, например Жан Тюлар, Тьерри Ленц, Пьер Бранда, придерживаются аналогичного взгляда на Наполеона, воспринимая его как крупного государственного деятеля, создателя современной Франции и ее институтов¹⁰. Исследователи же политической истории Франции, такие как Рене Ремон, Пьер Розанваллон, Габриэль де Бройль, с именами которых связан пересмотр взгляда на Июльскую монархию, подчеркивали, что современные политические институты Франции своими корнями уходят не только в эпоху Революции, но и в Июльскую монархию, когда многие принципы, сформулированные в конце XVIII в.,

⁹ В современной историографии, и отечественной и французской, хронологические рамки Французской революции определяются 1789–1799 годами. Однако, как и Ф. Гизо, современные французские исследователи, например Т. Ленц и П. Бранда, считают период Консульства и Империи кульминацией Революции, тем самым интегрируя наполеоновский период в эпоху Революции.

¹⁰ См. об этом, например: [Lentz 2015; Chevallier 2018].

были закреплены на практике [Rémond 1965: 319; Rosanvallon 1985: 29]. Можно сделать вывод о том, что и Наполеон, и Гизо стояли у истоков современной политической культуры Франции. Весьма символично, что неоднократно упоминавшийся в этой статье историк Лоран Теис, биограф Гизо, является руководителем отдела стипендий и премий Фонда Наполеона, возглавляемого Тьерри Ленцем.

Гизо и Наполеона сближают не только достижения, но и ошибки. Гизо, рассуждая о причинах падения Наполеона, в своих работах, написанных уже после отставки, отмечал, что политика Наполеона Бонапарта перестала отвечать запросам нации, он прекратил адекватно реагировать на потребности общества. Собственно, такова была и главная ошибка либералов-орлеанистов и самого Гизо — упорный отказ от избирательной реформы привел к сокращению социальной базы в рамках так называемой *pays legal*, т. е. французов, обладавших избирательными правами. И хотя за годы Июльской монархии, после принятия избирательного закона 1831 г. количество избирателей существенно выросло, о чем писал в свое время Рене Ремон [Rémond 1965: 303], этого было явно недостаточно. Гизо так и не понял, что представительное правление не может быть сведено только к правлению *des esprits*, т. е. просвещенных элит. Он оказался герметично закрыт в своем романтизме и, отказавшись от реформ, от движения, привел Францию к состоянию стагнации и застоя. Он не смог почувствовать прихода новой эпохи, не дал выхода народной страсти, и в итоге народ смёл этот режим в 1848 г., причем режим особо и не сопротивлялся.

Финалом карьеры и у Наполеона, и у Гизо было поражение. Но если Гизо, блестящий историк, теоретик парламентского режима, пытавшийся соединить идею свободы с идеей порядка, пацифист, остался в истории как непопулярный, неудачливый и скучный министр, то Наполеон Бонапарт даже в своем поражении выиграл, может быть, самую главную для него битву — битву за историческую память — и при всей своей неоднозначности остается одним из главных национальных героев Франции.

Источники

- Гизо 1863 — Исторический очерк жизни Вашингтона: С фр. / Соч. [Ф.] Гизо; Ред. Я. Ивановского. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1863.
- Guizot 1860 — *Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*. Т. 3. Paris: Michel Lévy frères, 1869.
- Guizot 1863 — *Guizot F. Trois générations. 1789–1814–1848*. Paris: Michel Lévy frères, 1863.

Литература

- Бовыкин, Чудинов 2020 — *Бовыкин Д. Ю., Чудинов А. В.* Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн; ПостНаука, 2020.
- Козлов 2013 — *Козлов С.* Эволюция французской образовательной модели в XIX веке // Отечественные записки. 2013. № 4. С. 60–84.
- Матвеев 2019 — *Матвеев С. Р.* Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Таньшина 2015 — *Таньшина Н. П.* Пацифистская идея в постнаполеоновской Европе: Франсуа Гизо и Жан-Жак де Селлон // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 157–172.

- Таньшина 2016 — *Таньшина Н. П.* Франсуа Гизо: Политическая биография. М.: МПГУ, 2016.
- Таньшина 2021 — *Таньшина Н. П.* Княгиня Ливен. Нетитулованная королева европейской дипломатии. СПб.: Евразия, 2021.
- Тюлар 2012 — *Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о «спасителе» / Пер. с фр. М.: Мол. гвардия, 2012.
- Шарль 2005 — *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века / Пер. с фр. Г. Галкина и др. М.: Нов. изд-во, 2005.
- Branda 2019 — *Branda P.* Napoléon, la naissance d'un mythe // La Nouvelle republique. 2019. 11 août. URL: <https://www.lanouvellerepublique.fr/a-la-une/napoleon-la-naissance-d-un-mythe>.
- Brogie 1990 — *Brogie G. de.* Guizot. Paris: Perrin, 1990.
- Cabanel 2012 — *Cabanel P.* Histoire des protestants en France (XVIe–XXIe siècle). Paris: Fayard, 2012.
- Chevallier 2018 — *Chevallier A.* Napoléon sans Bonaparte. Paris: Les éditions du Cerf, 2018.
- Grunberg 2015 — *Grunberg G.* Napoléon Bonaparte. Le noir génie. Paris: CNRS Editions, 2015.
- Gueniffey 2017 — *Gueniffey P.* Napoléon et de Gaulle. Deux héros français. Paris: Perrin, 2017.
- Hazareesingh 2008 — *Hazareesingh S.* La légende de Napoléon. Paris: Tallandier, 2008.
- Jourdan 2004a — *Jourdan A.* La Révolution, une exception française? Paris: Flammarion, 2004.
- Jourdan 2004b — *Jourdan A.* Mythes et légendes de Napoleon. Un destin d'exception, entre rêve et réalité. Toulouse: Privat, 2004.
- Kern 2016 — *Kern E.* Napoléon. Deux cents ans de légende. Histoire de la mémoire du Premier Empire. Paris: SOTECA, 2016.
- Lentz 2005 — Napoléon et l'Europe: regards sur une politique: actes du colloque organisé par la direction des Archives du ministère des Affaires étrangères et la Fondation Napoléon, 18 et 19 novembre 2004 / Sous la dir. de T. Lentz. Paris: Fayard, 2005.
- Lentz 2015 — *Lentz T.* Napoléon et la France. Paris: Vendémiaire Editions, 2015.
- Malraux 1971 — *Malraux A.* Les chênes qu'on abat. Paris: Gallimard, 1971.
- Mastellone 1957 — *Mastellone S.* La politique étrangère de Guizot // Revue d'histoire diplomatique. 1957. № 4. P. 373–377.
- Mauduit 2015 — *Mauduit X.* L'Homme qui voulait tout: Napoléon, faste et propagande. Paris: Autrement, 2015.
- Poisson 2004 — *Poisson G.* L'aventure du retour des cendres. Paris: Tallandier, 2004.
- Rémond 1965 — *Rémond R.* La vie politique en France depuis 1789. T. 1. 1789–1848. Paris: Colin, 1965.
- Rosanvallon 1985 — *Rosanvallon P.* Le moment Guizot. Paris: Gallimard, 1985.
- Saint-Victoir 2007 — *Saint-Victoir J. de.* Les racines de la liberté. Le débat français oublié, 1689–1789. Paris: Perrin, 2007.
- Theis 2020 — Entretien avec Laurent Theis: François Guizot, un libéral entre deux empires / Propos recueillis par M. de Bruchard // Napoleon.org. 2020. URL: <https://www.napoleon.org/magazine/interviews/entretien-avec-laurent-theis-francois-guizot-un-liberal-entre-deux-empires/?fbclid=IwAR0HBn5GhFBtUxVV2Z2nmeCnWHvLzgzcyh4LkMIa12-BTE1ND-0nx1sGwDnc>.
- Triomphe 2002 — *Triomphe P.* L'Europe de François Guizot. Paris: Privat, 2002.
- Vovelle 1994 — Révolution et République. L'exception française: actes du colloque de Paris I, Sorbonne 21–26 septembre 1992 / Sous la dir. de M. Vovelle. Paris: Éd. Kimé, 1994.

References

- Bovykin, D. Iu., & Chudinov, A. V. (2020). *Frantsuzskaia revoliutsiia* [The French Revolution]. Al'pina non-fikshn; PostNauka. (In Russian).
- Branda, P. (2019, August 11). Napoléon, la naissance d'un mythe. *La Nouvelle république*. <https://www.lanouvellerepublique.fr/a-la-une/napoleon-la-naissance-d-un-mythe>. (In French).
- Broglie, G. de. (1990). *Guizot*. Perrin. (In French).
- Cabanel, P. (2012). *Histoire des protestants en France (XVIe–XXIe siècle)*. Fayard. (In French).
- Chevallier, A. (2018). *Napoléon sans Bonaparte*. Les éditions du Cerf. (In French).
- Grunberg, G. (2015). *Napoléon Bonaparte. Le noir génie*. CNRS Editions. (In French).
- Gueniffey, P. (2017). *Napoléon et de Gaulle. Deux héros français*. Perrin. (In French).
- Hazareesingh, S. (2008). *La légende de Napoléon*. Tallandier. (In French).
- Jourdan, A. (2004a). *La Révolution, une exception française?* Flammarion. (In French).
- Jourdan, A. (2004b). *Mythes et légendes de Napoleon. Un destin d'exception, entre rêve et réalité*. Privat. (In French).
- Kern, E. (2016). *Napoléon. Deux cents ans de légende. Histoire de la mémoire du Premier Empire*. SOTECA. (In French).
- Kozlov, S. (2013). Evoliutsiia frantsuzskoi obrazovatel'noi modeli v XIX veke [Evolution of the French educational model in the 19th century]. *Otechestvennye zapiski*, 2013(4), 60–84. (In Russian).
- Lentz, T. (Ed.). (2005). *Napoléon et l'Europe: regards sur une politique: actes du colloque organisé par la direction des Archives du ministère des Affaires étrangères et la Fondation Napoléon, 18 et 19 novembre 2004*. Fayard. (In French).
- Lentz, T. (2015). *Napoléon et la France*. Vendémiaire Editions. (In French).
- Malraux, A. (1971). *Les chênes qu'on abat*. Gallimard. (In French).
- Mastellone, S. (1957). La politique étrangère de Guizot. *Revue d'histoire diplomatique* 1957(4), 373–377. (In French).
- Matveev, S. R. (2019). *Svoboda i poriadok: liberal'nyi konservatizm Fransua Gizo* [Freedom and order: The liberal conservatism of François Guizot]. Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Mauduit, X. (2015). *L'Homme qui voulait tout: Napoléon, faste et propagande*. Autrement. (In French).
- Poisson, G. (2004). *L'aventure du retour des cendres*. Tallandier. (In French).
- Rémond, R. (1965). *La vie politique en France depuis 1789. Vol. 1. 1789–1848*. Colin. (In French).
- Rosanvallon, P. (1985). *Le moment Guizot*. Gallimard. (In French).
- Saint-Victoir, J. de. (2007). *Les racines de la liberté. Le débat français oublié, 1689–1789*. Perrin. (In French).
- Sharl', K. [= Charle, Ch.] (2005). *Intellektualy vo Frantsii: vtoraiia polovina XIX veka* [Intellectuals in France: Second half of the 19th century]. Novoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Tanshina, N. P. (2015). Patsifistskaia ideia v postnapoleonovskoi Evrope: Fransua Gizo i Zhan-Zhak de Sellon [The pacifist idea in post-Napoleonic Europe: François Guizot and Jean-Jacques de Sellon]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2015(4), 157–172. (In Russian).
- Tanshina, N. P. (2016). *Fransua Gizo: Politicheskaia biografiiia* [François Guizot: Political biography]. MPGU. (In Russian).
- Tanshina, N. P. (2021). *Kniaginia Liven. Netitulovannaia koroleva evropeiskoi diplomatii* [Princess Lieven. Untitled queen of European diplomacy]. Evraziia. (In Russian).

- [Theis, L.] (2020). Entretien avec Laurent Theis: François Guizot, un libéral entre deux empires (M. de Bruchard, Interviewer). *Napoleon.com*. <https://www.napoleon.org/magazine/inter-views/entretien-avec-laurent-theis-francois-guizot-un-liberal-entre-deux-empires/?fbclid=IwAR0HBn5GhFBtUxVV2Z2nmeCnWHvLzgzcyh4LkMIa12-BTE1ND0nx1sGwDnc>. (In French).
- Triomphe, P. (2002). *L'Europe de François Guizot*. Privat. (In French).
- Tulare, J. (1978). *Napoléon: ou, le mythe du sauveur*. Fayard. (In French).
- Vovelle, M. (Ed.) (1994). *Révolution et République. L'exception française: actes du colloque de Paris I, Sorbonne 21–26 septembre 1992*. Éd. Kimé, 1994. (In French).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Наталья Петровна Таньшина

*доктор исторических наук
Институт общественных наук,
профессор, кафедры всеобщей истории,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ tanshina-np@ranepa.ru*

Nataliya P. Tanshina

*Dr. Sci. (History)
Professor, Department of General History,
Institute of Social Sciences, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
✉ tanshina-np@ranepa.ru*